

ОЛЬГА ПЕТРОВА

БЕЛЫЙ ЯР

Ольга Петрова

Белый Яр

«Автор»

2026

Петрова О.

Белый Яр / О. Петрова — «Автор», 2026

Вчера — ведущий технолог на производстве, сегодня — нищая овдовевшая баронесса? Чего только не случается в этой жизни. А уж после нее — тем более. Вместо привычных цехов мне достались запущенное имение Белый Яр, наглый управляющий и куча чужих долгов, из-за которых меня грозят выбросить на улицу. Но там, где средневековые аристократы видят тупик, грамотный руководитель видит точку роста. У них — хаос и жадные купцы, у меня — четкий расчет, строгий аудит и проверенные технологии. Замок я им не отдам. Наведем порядок, запустим печи, а там посмотрим, кто кого!

© Петрова О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Петрова

Белый Яр

ГЛАВА 1.

Холод был первым, что вернуло ее к сознанию. Он не имел ничего общего с привычной прохладой заводских лабораторий или кондиционированным воздухом квартиры.

Это был липкий, промозглый озноб сырого камня, который въедался в кости сквозь тонкую ткань и вытягивал тепло из самого нутра.

Марина судорожно вдохнула и тут же закашлялась. В горло хлынул удушливый воздух: воняло чадающим бараньим салом, застарелой затхлостью нетопленных углов и пыльной, слежавшейся шерстью.

Она попыталась пошевелиться, но тело слушалось с пугающим запозданием, налитое свинцовой тяжестью. Пальцы нащупали ткань простыни — грубое, шершавое, колющееся полотно, пахнущее щелоком и речным илом.

«Где я?.. Это больница?..»

В висках пульсировала глухая, тупая боль. Марина помнила бесконечный четверг, третью подряд ночную смену, свист пара в автоклаве пятой линии и внезапный, сокрушительный удар в грудь, от которого потемнело в глазах. А потом — тишина.

Но сейчас она дышала. Только дышалось странно, мелко и часто.

Марина открыла глаза и замерла в оцепенении.

Над ней нависал пыльный, выцветший до грязно-бурого цвета балдахин из плотного сукна. По углам деревянной рамы свисали клочья серой паутины. Никаких привычных матовых светильников, никакого датчика пожарной сигнализации на потолке. Только кривые балки темного дерева и осыпаящаяся штукатурка.

Дрожащей кистью она коснулась лица — и сердце пропустило удар, рухнув куда-то в желудок.

Это было не ее лицо.

Пальцы — непривычно крошечные, тонкие, с узкими ногтевыми пластинами и мягкими подушечками без единого следа от кислотных ожогов реактивов — скользнули по острой, узкой скуле. Кожа была сухой, как пергамент, щеки ввалились, а подбородок был хрупким, почти детским. Марина опустила ладонь ниже: под застиранной ночной сорочкой с дурацкими пожелтевшими кружевами прощупывались выступающие ребра и ключицы, ломкие, как птичьи кости.

Ей было тридцать два года. Она была высокой, крепкой, привыкшей к физическому труду женщиной с четкой осанкой и уверенным взглядом. А это тело... этому испуганному, истощенному телу едва ли можно было дать больше двадцати.

— Что за бред... — вырвался из горла хриплый шепот. Голос прозвучал чужой, высокий, ломкий, как сухой тростник.

Марина в ужасе уставилась на ладони. Поворачивала их перед собой, сжимала и разжимала пальцы, отказываясь верить зрению. На коже просвечивали синеватые венки, запястья были настолько тонкими, что их можно было охватить двумя пальцами.

Где наручные часы с треснувшим стеклом? Где маленькая родинка на левом предплечье? Где привычная жизнь, в которой все подчинялось логике, ГОСТам, графикам поставок и термодинамике?

«Я сошла с ума? Или это предсмертный бред в реанимации?»

Но физическая боль от сведенных судорогой мышц и пробирающий до костей сквозняк были слишком осязаемыми, слишком грубыми для галлюцинации.

Вместе с приступом паники в голову хлынули воспоминания. Не ее. Чужие, плотные, пахнувшие ладаном, конским навозом и дешевыми духами на спирту.

Образы вспыхивали перед внутренним взором с пугающей четкостью, вызывая тошноту. Марина видела сумрак часовни, дрожащие огоньки восковых свечей и липкую пятерню мужчины с волосатыми пальцами и грязью под ногтями, сжимающую ее запястье. Барон Роджер Вейр. Человек, которого она никогда в жизни не видела, но память услужливо подсказывала: это был ее муж.

«Муж?.. У меня не было мужа уже пять лет, с тех пор как мы мирно разошлись с Олегом из-за моих бесконечных ночных смен на комбинате!»

Но чужая память безжалостно продолжала прокручивать кадры: унижительные брачные ночи с пьяным стариком, от которого разлило кислым перегаром; высокомерные насмешки столличных золовок, называвших ее «деревенской бесприданницей»; и недавние похороны под косым дождем.

Роджера закопали три недели назад в родовом склепе, оставив двадцатилетней вдове — Элизе Вейр — пустой замок, долги и ненависть соседей.

Марину замутило от абсурдности происходящего. Как вообще можно было довести жизнь до такого жалкого состояния? Почему эта девчонка позволяла вытирать о себя ноги, терпела побои, молилась каким-то бессмысленным иконам и не сделала ни единой попытки разобраться хотя бы в том, чем ее кормят слуги?

Мир вокруг казался чудовищно, дико неправильным. Память Элизы хранила сведения о государстве Вальтерия, о Северном округе, о герцогах и законах... Но в этой картине мира начисто отсутствовала элементарная логика. Здесь люди умирали от воспаления легких, потому что окна затягивали промасленным бычьим пузырем вместо нормального стекла. Здесь зерно гнивало в амбарах, потому что крестьяне не знали о вентиляционных каналах, а дворяне считали ниже своего достоинства спуститься на кухню.

И главное правило этой средневековой нелепицы: дворянский титул и земля принадлежали роду ровно до тех пор, пока казна округа получала налог. Если к исходу квартала баронство не выплачивало поземельную подать и не гасило векселя — земли отбирала корона, а вдову выбрасывали на улицу или ссылали в церковную богадельню доживать век в завшивленной келье.

Срок платежа истекал ровно через двадцать один день.

— Господи, да как вы вообще здесь выживаете... — выдохнула Марина, прижимая пальцы к пылающим вискам. — Ни учета, ни гигиены, ни капли здравого смысла.

Дверь со скрипом распахнулась, впуская в комнату новую порцию сквозняка.

На пороге стояла тучная женщина в бесформенном шерстяном платье и грязном переднике. Лицо ее лоснилось от жира, а чепец был сбит набок, открывая спутанные седые патлы. В руках она несла шербатую глиняную миску, от которой поднимался белесый пар.

Мара. Экономка, кухарка и главная сплетница поместья.

— А, очнулись наконец, — проскрипела баба, даже не подумав сделать хотя бы намек на поклон. Она прошлепала стоптанными башмаками к кровати и брякнула миску на шаткую тумбу. Жижа выплеснулась на темную древесину. — Хлебайте, пока горячее. И так полдня на вас извели, бабы в прачечной без присмотра сидят.

Марина медленно повернула голову. Запах, шедший от миски, вызвал у профессионального технолога мгновенный спазм пищевода.

Она посмотрела на мутную серую жижу, на поверхности которой плавали крупные, неаппетитные пятна застывающего животного жира и пара сморщенных луковых перьев. На дне оловянной ложки темнел ободок въевшейся вековой грязи.

Внутри Марины вспыхнула чистая, яростная злость. Не испуганной баронессы, а взрослой, уважающей себя женщины, которую попытались накормить помоями из немытой посуды.

— Это что? — спросила Марина. Ее голос прозвучал тихо, но в нем не осталось ни следа прежней девичьей робости.

Мара уперла руки в бока:

— Бульон из птицы, ведомо дело. Для слабых животом. Сами вчера в обморок шлепнулись на крыльце, память-то отшибло, небось?

— Птицы? — Марина перевела взгляд на экономку, методично сканируя ее с ног до головы. Сальный подол, немытые пальцы с черной каймой под ногтями. И блестящая серебряная булавка на вороте — тонкой ювелирной работы, с фамильной гравировкой дома Морне, матери Элизы. — Мара, у меня десять лет стажа на пищевом производстве... то есть, я прекрасно знаю, как пахнет куриный бульон. В этой воде нет ни грамма птичьего белка. Это вываренные старые бараньи кости третьей свежести, подкрашенные пережженным сахаром для цвета.

Экономка поперхнулась заготовленной фразой и вытаращила маленькие заплывшие глазки.

— Вы... чего это вы такое плетете, миледи? Совсем рассудком повредились?

— Ложка грязная, — продолжала Марина, чеканя каждое слово. — Стол не вытерт. Пол в комнате не мыли минимум две недели, судя по слою сажи у камина. В доме стоит вонь, как в заброшенном хлеву. Ты воруеть провизию, Мара. Ты забираешь мясо себе и сыновьям в слободу, а хозяйке носишь помой. И еще имеешь наглость цеплять на засаленный воротник брошь моей матери.

Баба побелела, инстинктивно прижав ладонь к серебряной булавке.

— Да как вы... Да покойный барон мне слова поперек не говорил! Да я с сотворения мира в этом замке!

— Барон умер, — отрезала Марина, садясь на постели прямо и расправляя плечи. Тело болело, но командный тон руководителя крупного предприятия включился сам собой. — А я жива. Сними брошь и положи на стол. Немедленно.

Мара замерла. На ее физиономии промелькнул животный страх — не перед титулом, а перед этим незнакомым, уверенным, немигающим взглядом, от которого веяло опасностью. Дрожащими пальцами экономка расстегнула булавку и со стуком бросила ее рядом с миской.

— Теперь слушай меня внимательно, — голос Марины звучал как приказ на планерке во время аварийной остановки конвейера. — Горячую воду в медном тазу. Чистое холщовое полотенце, которое пахнет лавандой или хотя бы солнцем, а не подвальной плесенью. Кусок мыла. И через десять минут ко мне должен явиться управляющий Бранд со всеми расходными книгами. Если через десять минут воды не будет — ты вылетишь из этого дома без выходного пособия и с волчьим билетом. Пошла.

Мара попятилась к выходу, споткнулась о порог и кубарем выкатилась в коридор, даже не потрудившись прикрыть тяжелую дубовую створку.

Марина спустила босые ноги на доски. Сквозняк обжег ступни, но это ощущение помогло окончательно собраться.

«Хорошо. Я не знаю, какая чертовщина забросила меня сюда, — подумала она, растирая озябшие плечи. — Но если меня угораздило проснуться в этом средневековом свинарнике, я не собираюсь подыхать от голода или дизентерии. Сначала — гигиена. Потом — аудит».

Управляющий Бранд явился не через десять минут, а через добрых полчаса.

Он вошел без стука, не снимая высокой суконной шапки, пропахшей табачным дымом и лошадиным потом. Грузный, краснорожий мужик лет сорока пяти с жесткой щетиной на подбородке и прищуренными глазами прирожденного стяжателя. На нем был добротный шерстяной кафтан на лисьем меху — вещь дорогая, явно купленная не на жалованье наемного приказчика.

Марина к этому моменту уже успела умыться колодезной водой (горячей Мара так и не принесла, за что ее ждал отдельный разговор) и завернуться в темно-синий стеганный шлафрок, найденный в сундуке. Волосы она стянула на затылке в строгий узел, открыв тонкую шею и бледное, осунувшееся лицо.

— Что за шум, госпожа Элиза? — Бранд встал посреди спальни, широко расставив ноги в начищенных яловых сапогах. — Мара в слезах, девки на кухне крестятся. Вы бы прилегли. Горе помутило ваш разум, вот что я скажу. Женское дело — скорбеть да молиться, а не слуг гонять.

Он бросил на край стола перевязанную пеньковой веревкой пачку плотной бумаги с серыми сургучными печатями.

— Вот, извольте полюбоваться. Приезжал поверенный от купцов Озерного края. Долговые расписки господина барона. Три тысячи двести серебряных крон основного долга и три сотни процентов за просрочку. До дня Осеннего Равноденствия — ровно двадцать один день.

Бранд усмехнулся в бороду, скрестив руки на животе:

— Денег в сундуках нет ни гроша. Мужики в деревне обнищали, платить оброк отказываются. Поместье — банкрот, миледи. Приедет королевский судебный исполнитель, опишет забор, амбары, этот самый дом, а вас выставит на дорогу с одним узелком.

Марина даже бровью не повела. Она подошла к столу, коснулась долговых расписок и бегло пробежала верхний лист. Корявый почерк, архаичные обороты, подпись Роджера — кривая, расплывшаяся клякса, явно поставленная рукой мертвецки пьяного человека.

— И какое же решение вы предлагаете, господин управляющий? — спросила она ровным тоном, в котором Бранд по своей глупости не уловил подвоха.

Приказчик приободрился, шагнул ближе и заговорил вкрадчивым, медовым голоском:

— Есть один достойный купец, господин Хорст. Он готов выкупить право аренды на корабельную рощу за рекой и забрать племенных кобыл. Даст за все про все восемьдесят золотых. Этого хватит, чтобы покрыть часть долга и выправить вам отступное. Уедете на юг, в тихий монастырь под опеку святых сестер. Там сады, тепло, тишина... А я уж сам тут с кредиторами и судом договариваться стану. Возьму грех на душу ради памяти барона.

Марина медленно подняла взгляд на управляющего. Внутри нее клокотало раздражение, почти ярость профессионала, который видит перед собой элементарное, тупое воровство, прикрытое дешевой манипуляцией.

— Вы держите меня за дуру, Бранд? — спокойно поинтересовалась она.

Управляющий поперхнулся:

— Что вы такое говорите, миледи...

— Корабельная роща за рекой — это триста десятин векового дуба и мачтовой сосны, — Марина говорила четко, словно читала по памяти спецификацию сырьевого склада. — Даже по самым низким ценам сплавной лес такого качества стоит не меньше пяти тысяч крон на верфях устья. Племенные кобылы вязниковской породы — это еще минимум шестьсот монет. Вы предлагаете продать активы стоимостью в шесть тысяч за восемьдесят золотых вашему дружку Хорсту, чтобы потом поделить разницу?

Лицо Бранда начало медленно наливать дурной, багровой кровью.

— Да как вы... Откуда вам знать цены на лес?! Вы девчонка, сопливица, которую барон из милости взял! Женщинам не понять счетов и торговли!

— Замолчите, — Марина повысила голос ровно настолько, чтобы он хлестнул, как мокрый бич.

Она сделала шаг вперед. Несмотря на хрупкость нового тела, в ее позе было столько властной уверенности человека, привыкшего единолично руководить коллективом в четыреста рабочих, что мужик отступил на полшага.

— Мельница в деревне стоит со сломанным жерновом больше месяца. Почему не заменен вал? На складе в Нижнем хуторе лежало пятьдесят мешков ржи прошлогоднего помола — где они? Вчера из окна я видела четыре подводы, ушедшие на тракт без маркировки поместья. Куда шло зерно, Бранд?

— Это... это налоги... это барщина... — забормотал управляющий, теряя спесь.

— Это воровство, — отчеканила Марина. — Ключи от амбаров, ледников, канцелярии и все грессбухи за последние три года. На этот стол. Сейчас же.

— Да вы с ума сошли! — выверился Бранд, сжимая кулаки. — Без меня это имение сгниет за три дня! Я здесь хозяин, пока барона нет! Никаких ключей вы не получите!

Марина даже не моргнула. Она смотрела прямо в наглые глаза вора.

— Если через минуту ключи не будут лежать на этом столе, Бранд, завтра на рассвете конный гонец отвезет письмо окружному судье лорду Кавендишу. С подробной описью украденного леса и зерна. А я приложу к нему официальное обвинение в мошенничестве и государственной измене — ведь налог короне не уплачен именно по вашей вине. Знаете, в какую яму сажают управляющих за утайку королевской десятины?

Бранд судорожно сглотнул. Капли пота выступили на его жирном лбу. Он смотрел на баронессу и не мог понять, что произошло. Перед ним стояла не та запуганная, вечно заплаканная девчонка, которую он безнаказанно обворовывал два года. В этих серых глазах горел расчетливый, стальной ум хищника, знающего свои права до последнего параграфа.

Желваки на скулах управляющего бешено заходили. С ненавистью прошипев проклятие, он сорвал с пояса железное кольцо, на котором звенел добрый десяток ключей, и с грохотом швырнул его на стол.

— Посмотрим, как вы запляшете, когда придут кредиторы, благородная госпожа, — процедил он сквозь зубы. — Сами приползете просить, чтоб я лес продал. Да поздно будет.

Он развернулся и, тяжело топая, вылетел из комнаты.

Когда шаги управляющего стихли на лестнице, Марина оперлась о крышку стола. Колени подгибались, сердце бешено колотилось в хрупкой грудной клетке. Тело Элизы было слишком слабым для таких сцен, адреналиновый шквал выжал его досуха.

Но отступать было некуда.

Она глубоко вздохнула, взяла связку ключей и направилась к лестнице. Впереди была долгая ночь.

К полуночи кабинет покойного барона превратился в подобие штаба гражданской обороны.

Марина заставила дворового мальчишку-истопника притащить охапку сухих сосновых поленьев и растопить камин. В комнате наконец-то стало тепло. На широком дубовом столе коптили три свечи — на этот раз восковые, найденные в запертом сундуке канцелярии.

Вокруг Марины громоздились массивные фолианты в кожаных переплетах, исписанные кривыми столбцами цифр, клочки пергамента и амбарные ярлыки.

Она разбирала эти записи уже четыре часа подряд, и с каждым часом ее брови сдвигались все ближе к переносице.

Хаос. Дикий, первобытный, несусветный управленческий хаос.

Никакой единой системы учета. Приход записывался в одной тетради по весу в пудах, расход — в другой по мешкам, без указания сорта и влажности. Но даже сквозь эту намеренно созданную путаницу опытный глаз технолога видел чудовищные несоответствия.

— Сорок пять процентов списания зерна на «плесень и мышей»? — пробормотала Марина, подчеркивая строчку гусиным пером. — В сухом северном климате, на возвышенности? Да у них зернохранилище должно быть сухое, как порох!

Бранд систематически занижал урожайность почти вдвое, оформляя остатки как испорченные, а затем вывозил их через подставных скупщиков в соседний город. Расходы на закупку

соли для засолки мяса были завышены вчетверо — соль якобы покупали по столичным тарифам, хотя соляные копи находились всего в двух днях пути вниз по реке.

Поместье Вейров не было нищим. Оно было богатым, сытым, потенциально прибыльным производственным комплексом, который планомерно и методично доили двое предприимчивых жуликов — Бранд и его дружок-купец Хорст, спаивая слабовольного барона.

Марина откинулась на спинку деревянного кресла и прикрыла уставшие, саднящие от копоти веки.

Картина прояснилась. Но главная проблема оставалась нерешенной: три тысячи пятьсот крон долга. Даже если вытрясти из Бранда все украденное и наладить жесткий контроль, реализация зерна и леса потребует времени. Месяц, два, три. А судебные приставы придут ровно через двадцать один день.

Нужна была ликвидность. Быстрые, чистые деньги здесь и сейчас.

Марина встала из-за стола, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. Она медленно пошла вдоль стен кабинета, обшитых темными дубовыми панелями. Резьба изображала геральдических кабанов и ветви терновника — герб Вейров.

Внимание привлекла странность у самого каминного портала.

Одна из резных панелей примыкала к кладке очага не плотно — между деревом и камнем оставался зазор шириной в палец. Марина подошла ближе, провела пальцами по полированному дереву. Жар очага приятно грел кожу.

На одном из резных дубовых листьев лак был слегка стерт, словно к нему часто прикасались.

Марина нажала на выступающую деревянную жилку. Раздался негромкий сухой щелчок, и узкая планка отошла в сторону, открывая глубокую темную нишу в толще кладки.

Сердце екнуло.

Марина запустила руку внутрь и нащупала металл. Это была продолговатая железная шкатулка без замка, закрытая на простой проволочный крючок.

Она вытащила ее на свет, положила на бюро и откинула крышку.

Внутри, на куске истлевшего зеленого бархата, лежал массивный бронзовый ключ необычной формы — с длинной фигурной бородкой и личной монограммой Роджера Вейра на головке. А под ним покоился тугой свиток пергамента, запечатанный личным сургучным перстнем барона.

Марина взяла ключ. Он отозвался в ладони приятной, весомой тяжестью.

Она повернулась к дальнему углу кабинета. Там, за пыльной бархатной портьерой, стоял вмурованный в стену несгораемый шкаф-сейф, окованный полосами черного железа. Замочная скважина шкафа была наглухо залита толстым слоем старого темного сургуча.

Марина подошла к сейфу. Ногтем соскоблела ломкий сургуч, очищая скважину, и插вила бронзовый ключ. Он вошел как по маслу — мягко, точно, без малейшего люфта.

Страх окончательно ушел. Растерянность перед чужим телом, непонимание того, за какие грехи ее выбросило в этот дикий, нелепый мир — все это растворилось перед знакомым, пьянящим азартом руководителя, заступающего на кризисный объект.

«Если я осталась здесь, я не позволю выставить себя нищей на улицу. Будем наводить порядок».

Марина с усилием повернула ключ по часовой стрелке.

В ночной тишине кабинета глухо и веско щелкнули три мощных внутренних засова.

ГЛАВА 2.

Кованая дверца сейфа подалась со скрежетом, от которого по спине побежали мурашки: столетняя ржавчина внутри петель неохотно уступала нажиму. В лицо Марине пахнуло застоявшимся воздухом каменного мешка, горьким дубильным запахом старой кожи и сухой пылью

истлевшего сургуча. Она осторожно поставила канделябр на угол массивного стола, чтобы пламя свечи не коптило пергаменты, и заглянула внутрь тайника.

На узких полках не было ни груд золотых монет, ни бархатных мешочков с драгоценными камнями. Там лежали бумаги. Ровные, перевязанные просмоленным шпагатом стопки долговых расписок, переписка с торговыми гильдиями и толстая тетрадь в переплете из грубой телячьей кожи, исписанная мелким, дерганным почерком Роджера Вейра.

Марина опустилась на колени прямо на каменные плиты пола, не обращая внимания на сквозняк, и вытащила тетрадь на свет. Страницы шуршали сухо и ломко. Это не был официальный гроссбух — это был тайный дневник человека, зажатого в угол собственным страхом и пороками.

С каждой прочитанной строкой картина прояснялась, складываясь в уродливую, но предельно понятную схему. Барон Роджер не был клиническим глупцом. Он прекрасно видел, как Бранд вместе с городским скупщиком Хорстом методично опутывают поместье долгами. Барон фиксировал каждый украденный воз сена, каждую фиктивную расписку за ремонт моста, которого никто не строил. Но сломанная воля и застарелая болезнь сделали свое дело: Бранд откровенно шантажировал старика старыми векселями и угрозой пожара, а барон глушил ужас вересковым спиртом и прятал доказательства в стену, надеясь на чудо.

«Чудес не бывает, Роджер, — мысленно произнесла Марина, закрывая тетрадь и поднимаясь на ноги. — Бывает только жесткий аудит и ликвидация кассовых разрывов».

За узкими стрельчатыми окнами кабинета черная ночь начала медленно выцветать в пепельно-серые предрасветные сумерки. Наступало утро — пасмурное, прохладное, пахнущее надвигающимся дождем. Время кабинетных размышлений закончилось. Пора было выходить к людям и ломать сложившийся порядок через колено.

Ровно в шесть утра Марина толкнула плотную, обитую войлоком дверь и спустилась по узкой винтовой лестнице в цокольный этаж, где располагалась господская кухня.

Здесь стоял полумрак. В огромном закопченном очаге едва тлели два сырых полена, наполняя низкое помещение едким сизым дымом, от которого слезились глаза. Мара, развалившись на широкой дубовой лавке, неторопливо цедила из глиняной кружки теплое кислое пиво, заедая его ломтем свежего пшеничного хлеба с толстым слоем сливочного масла. Две забитые поваренки в рваных платях испуганно чистили мелкую, подгнившую репу в углу, боясь издать лишний звук.

— Доброе утро, Мара, — сухо произнесла Марина, переступая порог.

Экономка поперхнулась пивом, судорожно закашлялась и попыталась спрятать кружку под лавку, но от неожиданности только опрокинула ее, залив доски пола мутной пеной. Поварята замерли, выронив костяные ножи.

— Б-баронесса?.. — прохрипела кухарка, вытирая рот засаленным рукавом. — Да чего ж вы в такую рань... Мы ж только растапливаем...

— Весы сюда. Быстро, — скомандовала Марина, подходя к длинному разделочному столу.

Она не стала слушать оправдания. Пальцы сразу легли на стоявший у стены мешок с ржаной мукой. Марина набрала пригоршню, пропуская сероватую массу сквозь пальцы. Влажность была завышена, мука слежалась в комки, но жучков пока не завелось.

— Ставь весы, Мара. Я жду.

Дрожа от страха, экономка приволокла старый бронзовый безмен с подвесной чашей. Марина лично взяла гири.

Ревизия длилась сорок минут в гробовой тишине, нарушаемой только скрипом ржавых коромысел весов и стуком металла о дерево. Результаты были удручающими. В открытом мешке муки не хватало двенадцати фунтов по сравнению со вчерашней записью в амбарной ведомости. Глиняный горшок с топленным салом был наполовину пуст — свежий след от боль-

шой ложки выдавал недавнюю выемку. Запасы сушеного тимьяна и майорана, закупленные по бешеным ценам столичных лавок, превратились в прелую труху из-за того, что мешки бросили прямо на каменный пол возле протекающей стены.

— Двенадцать фунтов муки и три фунта чистого сала, — Марина выпрямилась и посмотрела прямо в побелевшее лицо экономки. — Куда ушло сырье, Мара? Мыши съели вместе с мешковиной? Или твои племянники из Нижней слободы вчера унесли в подоле?

— Госпожа... Христом богом клянусь... — заломила руки женщина, начиная мелко трястись. — Обронили... просыпали... девки безрукие ведро с водой опрокинули!

Марина не стала кричать. Она подошла к закопченной стене у очага, подняла с пола кусок белого известняка и размашистыми, четкими линиями расчертила гладкую поверхность на четыре колонки.

— Смотреть сюда. Все трое, — ее голос хлестнул по тишине кухни, как кожаный ремень. Поварята испуганно подбежали к столу. — С этой минуты здесь ведется весовой журнал. Первая колонка — дата. Вторая — вес выданного продукта с точностью до золотника. Третья — вес готового блюда на выходе. Четвертая — подпись того, кто принял. Ты, как тебя зовут? — Марина указала на старшую девочку лет четырнадцати с живыми, смысленными глазами.

— Бетти, миледи... — пискнула та, приседая.

— Ты умеешь считать до ста и чертить палочки, Бетти?

— Батюшка в приходе учил... трошки могу.

— Отлично. С сегодняшнего дня ты взвешиваешь каждую горсть муки, которую Мара берет для выпечки, и ставишь метку на доске. Если вечером вес готового хлеба не сойдется с расходом сырья с учетом упека в десять процентов — Мара ужинать не будет. А ты получишь медную монету за честность. Вопросы есть?

Девочка часто закивала, в ее глазах вместо страха вспыхнул робкий, деловой интерес. Мара же стояла ни жива ни мертва, прижимая кулаки к фартуку.

— А теперь я иду на двор, — Марина накинула на плечи плотную шерстяную шаль. — Чтобы к моему возвращению в очаге горел нормальный огонь, котлы были выскоблены песком до блеска, а вода для господских покоев кипела.

На дворе стоял плотный, промозглый северный туман. Сырость висела в воздухе водяной пылью, оседая каплями на воротнике и ресницах. Под ногами чавкала жирная смесь глины, навоза и подгнившей соломы — во дворе поместья явно не убирали с самого дня похорон.

Марина методично обходила хозяйственные постройки, держа в руках небольшую деревянную планшетку с чистым листом пергамента и куском грифеля.

Конюшня встретила ее застарелым, прелым запахом с примесью аммиака. В полутемном стойле, где стояли три худые, некармливаемые лошади, прямо на куче нечистот спали двое дюжих дворовых мужиков. Рядом валялась разбитая бутылка из-под дешевого сивушного пойла. Кожаная упряжь, висевшая на бревенчатых стенах, покрылась белесой плесенью: сыромятные ремни рассохлись и потрескались от отсутствия дегтярной смазки.

Марина заглянула в лари для овса. Дно было почти чистым — зерно не просто скармливали лошадям, его воровали мешками, рассыпая дорожки вдоль порога.

Каждая деталь, каждый гнилой ремень и каждая просыпанная пригоршня зерна отзывались в мозгу Марины четким финансовым эквивалентом. Убыток. Прямой, преступный убыток, порожденный безнаказанностью и полным отсутствием контроля.

— Зафиксировано, — пробормотала она, делая резкую пометку на пергаменте. — Сбруя — под списание и починку. Конюхи — под суд или на земляные работы.

Единственным, кто не спал в этот час, оказался молодой парень у дальней коновязи. Щуплый, с копной соломенных волос и глубоким шрамом на ключице, он без устали чистил железным скребком старую гнедую кобылу, ласково приговаривая что-то ей на ухо. Ведро рядом

с ним было наполнено чистой колодезной водой, а стойло этой единственной лошади было аккуратно выстлано свежей сухой осокой.

Марина остановилась, внимательно наблюдая за его работой. Парень действовал методично, без суеты, уверенно проверяя копыта животного.

— Как тебя зовут? — негромко спросила она.

Парень вздрогнул, выронил скребок и торопливо стянул с головы засаленную шапку, низко склоняясь:

— Финн я, госпожа баронесса... Младший конюх. Простите, коли не так что, я кобылку только почищу... она захромала вчера, я ей путо перевязал.

— Почему твои товарищи пьяны, Финн?

— Так ведь... господин Бранд вчера бочонок выкатил за околицу. Праздновали они. Сказывали, скоро новый хозяин придет, а старые долги спишутся... — парень осекся, испуганно захлопнув рот и понимая, что сболтнул лишнее.

— Понятно, — Марина помрачнела. — Бросай скребок, Финн. Пойдешь со мной. Будешь бить в колокол у барского крыльца.

Через десять минут над усадьбой Белый Яр поплыл тревожный набат пожарного колокола.

Медный гул разрывал утренний туман, заставляя хлопать двери людских изб, лаять дворовых псов и скрипеть ставни. Из всех углов поместья к центральному мощеному двору начали стекаться заспанные, испуганные люди: кухарки, прачки, скотники, лесорубы и батраки. Всего собралось около двадцати человек — жалкий остаток некогда многочисленной челяди баронов Вейр.

Марина стояла на верхних ступенях высокого каменного крыльца, выпрямившись во весь рост. Ветер трепал полы ее темного шерстяного плаща, но лицо оставалось неподвижным, словно высеченным из серого гранита.

Толпа заволновалась, расступаясь. Со стороны конторы неторопливой, вальяжной походкой шел Бранд. Он успел накинуть праздничный кафтан, в зубах дымилась трубка, а на лице играла самодовольная, снисходительная усмешка. За ним лениво плелись двое его верных подручных — те самые конюхи, с опухшими от вчерашней попойки лицами.

— Что за всполох, миледи? — громко, на весь двор бросил управляющий, даже не думая обнажать голову. — Никак пожар причудился со страху? Людей от работы отрываете по пустякам. Ступали бы в покои, право слово. Не женское это дело — на ветру стоять перед мужиками.

В толпе послышались робкие смешки дворовых. Мужики переглядывались, уверенные, что барыня сейчас расплатится и убежит, как делала всегда.

Марина сделала один шаг вперед, к самому краю каменного парапета.

— Слушать меня всем, — ее голос прозвучал без надрыва, но с такой сконцентрированной, металлической мощью, что гомон во дворе мгновенно стих. Даже собаки перестали брехать. — Я провела предварительную ревизию хозяйства. И сейчас я назову вам цифры, по которым это поместье грабили последние два года.

Она подняла перед собой исписанный лист и начала читать, четко выговаривая каждое слово:

— В прошлом месяце господин Бранд списал в расход сто двадцать мешков отборного овса по графе «истреблено мышами и сыростью». По норме полевая мышь съедает не более трех граммов зерна в сутки. Чтобы уничтожить сто двадцать мешков за тридцать дней, в амбаре должна была стоять армия из десяти тысяч мышей, марширующих строем. Где трупы грызунов, Бранд? Где испорченная тара?

Толпа замерла. Кто-то из старых батраков крикнул в кулак.

— Дальше, — Марина перевернула страницу. — Четырнадцатого числа того же месяца возчик Томас вывез через задние ворота ровно сто двадцать мешков овса и сдал их на склады

купца Хорста в Нижнем Доле по цене сорок медных грошей за куль. Вот копия тайной расписки Хорста с подписью нашего управляющего, извлеченная из личного сейфа покойного барона. Деньги в кассу поместья не поступили.

Лицо Бранда начало стремительно терять краску. Трубка выпала из пальцев, ударившись о камни и рассыпав тлеющие искры.

— Ты... откуда... — прохрипел он, делая шаг назад.

— Всего за два года под видом падежа скота, порчи зерна и фиктивных ремонтов из хозяйства было украдено имущества на две тысячи четыреста серебряных крон, — Марина обвела строгим взглядом притихших слуг. — Именно из-за этих денег вам задерживали жалование. Именно поэтому ваши дети зимой сидели на пустой репе, пока Бранд покупал себе лисьи шубы и поил своих дружков господским вином!

Во дворе поднялся глухой, яростный ропот. Люди, еще минуту назад равнодушные, теперь смотрели на побледневшего приказчика с неприкрытой злобой.

— Вранье! — взвизгнул Бранд, хватаясь за рукоять охотничьего ножа на поясе. — Не слушайте ее! Девка с ума сошла от горя! Парни, вяжи ее, она поместье по миру пустит!..

Двое пьяных конюхов дернулись было к крыльцу, но Марина даже не шелохнулась.

— Финн, топор, — коротко бросила она стоявшему рядом парню.

Молодой конюх мгновенно перехватил топор, шагнув вперед и закрывая хозяйку плечом. В его позе не было ни капли сомнения. Следом за ним из толпы молча выдвинулись трое кряжистых лесорубов с мозолистыми кулаками размером с пивную кружку — долги Бранда перед ними были самыми большими.

Конюхи управляющего мгновенно остановились и попятились.

— Именем закона королевства Вальтерия, — отчеканила Марина, глядя прямо в глаза Бранду, — ты отстранен от управления поместьем Белый Яр. Твои счета арестованы. Твой дом в слободе будет опечатан до приезда королевского судьи лорда Кавендиша. Если ты сделаешь хотя бы шаг за пределы ограды поместья без моего конвоя — лесорубы переломают тебе ноги как беглому вору.

Бранд задыхался, судорожно хватая ртом воздух. Он понял, что проиграл всухую. За его спиной не было никого — только обманутые им же люди, готовые разорвать его на куски.

— Вы двое, — Марина указала на зачинщиков-конюхов. — Снять пояса. Вывернуть карманы. Сдать казенные сапоги и убираться за ворота босиком. Если к полудню я увижу хоть одного из вас на землях Вейров — спущу псов без предупреждения. Вон.

Мужики, скуля и спотыкаясь, начали стаскивать сапоги прямо на мокрой земле, бросая их к подножию крыльца, после чего припустили к распахнутым воротам так, будто за ними гналась сама смерть.

Марина перевела дыхание и посмотрела на оставшихся людей. Толпа замерла в ожидании расправы.

— Мара! — позвала баронесса.

Экономка вывалилась из толпы, упала на колени в грязь и заголосила:

— Пощадите, матушка-баронесса! Бес попутал! Детишек пожалейте!

— Встань с колен, противно смотреть, — поморщилась Марина. — Я даю тебе один месяц испытательного срока. Ты остаешься на кухне старшей стряпухой под присмотром Бетти. Жалованья за этот месяц ты не получишь — отработаешь украденную муку и сало. Если хоть одна крошка пропадет — пойдешь вслед за конюхами. Все понятно?

— Все сделаю, кормилица, до капельки все сберегу! — закивала баба, утирая слезы рукавом.

— Теперь главное, — Марина повысила голос, обращаясь ко всем собравшимся. — Временным смотрителем складов и конюшен назначается Финн. Все ключи от амбаров передать ему. Правила отныне простые. Первое: за любую кражу, за утайку гвоздя или пучка соломы

— судная яма и плети. Второе: за честную работу каждый из вас будет получать горячую еду три раза в день досыта, чистое жилье и выплату всего задержанного жалования на Осенней ярмарке. Кто согласен работать по совести — шаг вперед.

Двор не колебался ни секунды. Все двадцать человек разом сделали шаг вперед, с надеждой и новым, непривычным уважением глядя на молодую хозяйку.

— Финн, возьми двух крепких мужиков с ломами и ступай за мной, — распорядилась Марина, спускаясь с крыльца. — Пора проверить, что спрятано в дальнем углу усадьбы.

Они подошли к северной меже поместья, где к древней каменной крепостной стене примыкал длинный, приземистый амбар. Строение выглядело заброшенным: бревенчатые стены почернели от времени, крыша местами просела, а массивные двустворчатые двери были наглухо забиты толстыми дубовыми плахами и затянуты ржавой цепью с висячим замком.

В амбарных книгах Бранда это здание значилось как «полностью сгнившее, непригодное для хранения, пораженное черной плесенью».

— Ломайте, — приказала Марина.

Мужики налегли на ломы. С треском и визгом поддались старые кованые гвозди, лопнула перержавевшая цепь. Финн с натугой толкнул массивную створку двери.

Вместо ожидаемого запаха тлена и плесени из темноты амбара пахло сухим сквозняком, пылью и легким, чуть сладковатым ароматом сухих трав и печеного хлеба.

Марина первой шагнула внутрь, освещая путь масляным фонарем.

Строение было уникальным. Задняя стена амбара представляла собой монолитную гранитную кладку старого донжона, уходящую глубоко в скальную породу. Вдоль пола и под самым потолком шли естественные вентиляционные продухи, создававшие ровную, непрерывную тягу воздуха. Здесь было сухо, а температура держалась на уровне стабильных восьми градусов тепла — идеальные параметры для надежного хранения.

И все помещение было забито запасами.

Вдоль стен ровными рядами высились десятки холщовых мешков, пересыпанных сухой золой от мышей. В плетеных коробах громоздились тонны сушеных диких яблок-падалицы, сморщенных темных ягод терна и сушеной рябины.

Финн подошел к одному из мешков, вспорол ножом грубую ткань и зачерпнул содержимое. На ладонь высыпалась струя мелкого, сероватого зерна.

— Фу ты, пропасть... — разочарованно протянул конюх. — Госпожа, да тут сор один. Ячмень горький, шуплый, да овсяные отходы после веялки. Мужики такое даже скотине не запаривают — горчит больно. Потому Бранд его и бросил тут, видать, ленился на помойку вывезти. Мусор вековой.

Марина подошла ближе. Она опустилась на одно колено перед рассыпанным зерном, зачерпнула полную пригоршню серой крупы и поднесла ее к самому свету фонаря.

Она перетерла зерна пальцами. Оболочка была сухой, звенящей, без малейших признаков плесневого грибка. Влажность — не более тринадцати процентов. Ячмень был богат природными ферментами, а мелкая фракция гарантировала высокое содержание крахмала в пристеночных слоях эндосперма.

Она перевела взгляд на короба с яблоками. Сухие, темно-коричневые пластинки пахли концентрированным пектином и фруктовой кислотой.

Для неграмотных крестьян и ленивого вора-управляющего это был мусор, шелуха, негодные отходы.

Для Марины Вороновой, дипломированного биотехнолога и опытного производственника, это были тонны чистейшего сырья. Идеальная питательная основа для осахаривания, ферментации, производства густого солодового экстракта, питательных концентратов и сухого пайка длительного хранения.

Из этого «мусора» за две недели можно было получить отличный продукт. Товар, за который купцы на ярмарке будут платить полновесным серебром.

Марина крепко сжала в ладони пригоршню сухого серого зерна, чувствуя, как его твердые грани врезаются в кожу. Поднесла зерно к лицу, глубоко вдохнула терпкий, пыльный запах злаков и медленно выдохнула.

— Это не мусор, Финн, — негромко, но твердо произнесла она, и в полумраке амбара в ее взгляде мелькнула спокойная решимость. — Это наше спасение. Завтра начинаем ставить закваску.

ГЛАВА 3.

Марина опустилась на колени перед вспоротым мешком, не обращая внимания на то, как грубая мешковина пачкает подол платья. В тусклом луче утреннего света, пробивавшемся сквозь щель в ставне, танцевали мелкие пылинки.

Она зачерпнула зерно ладонями, поднесла к лицу и глубоко вдохнула. Ни малейшего намека на затхлость или мышиный помет. Пахло сухим полем, кремнием и чуть горьковатой злаковой пылью.

Марина выбрала несколько ячменных зерен и раскусила их. Раздался отчетливый, сухой хруст: зерновка раскололась на три твердые крупички, не смявшись в вязкую кашу. Влажность была эталонной — не более двенадцати с половиной процентов.

Она пересыпала зерно из ладони в ладонь, рассматривая оболочки. Ячмень был мелким, щуплым, так называемым вторым сортом, который на обычной мельнице сразу отправили бы в отходы: для классического помола на белую муку в нем содержалось слишком мало эндосперма и слишком много грубой клетчатки.

Зато зародыш в каждом зернышке был целым, стекловидным и живым. Долгоносик до этих мешков не добрался благодаря толстому слою сухой золы, которой пересыпали ряды мешковины, а естественная вентиляция амбара сохранила активность ферментов.

Следом Марина подошла к коробам с сушеными яблоками. Дольки сморщились до темно-янтарного цвета, но при нажатии пружинили, сохраняя остаточную пластичность. Она отломала кусочек и положила на язык.

Рот мгновенно наполнился вяжущей кислотой с высоким содержанием яблочной кислоты, танинов и концентрированного пектина. На сухой коже яблок сохранился тончайший белесый налет — колонии диких сахаромикетов.

Для местного крестьянина это был бросовый мусор, кислятина, от которой сводило скулы. Для технолога пищевых производств это была чистая культура для направленного культивирования заквасочных микроорганизмов и источник легкоусвояемых сахаров.

Если соединить эти ферменты с гидролизованным крахмалом ячменя, получалась питательная основа высокой биологической ценности.

— Финн, где в усадьбе старая пекарня? — спросила Марина, поднимаясь и отряхивая юбку.

— Так в восточном крыле, миледи, за господской кухней, — парень удивленно моргнул, перехватив амбарный засов. — Ее уж лет пять как заперли, когда старый мастер-хлебник представился. Барон потом муку в слободу возить велел, да тамошнему пекарю за караваи платил.

— Веди.

Они пересекли усыпанный мокрым гравием двор и свернули к низкому каменному флигелю, пристроенному к главному корпусу усадьбы.

Финн долго возился с массивным железным ключом, пока ржавый замок наконец не поддался с хриплым щелчком.

Внутри пекарни стоял застоявшийся полумрак. Марина шагнула через порог, и под сапогами захрустели обломки известки.

Помещение было просторным, с высокими сводчатыми потолками из дикого камня, закопченными до черноты. В центре возвышались две исполинские подовые печи, сложенные из огнеупорного шамотного песчаника. Их устья зияли темными провалами, но кладка выглядела монолитной, без опасных сквозных трещин.

Вдоль стен тянулись широкие разделочные столы из цельных дубовых плах толщиной в два вершка. Древесина рассохлась, но не сгнила.

В углу стояла двухсотлитровая квашня, выдолбленная из ствола вековой липы, а над ней на кованых крючьях висели три медных котла, покрытых слоем зеленой патины.

Марина подошла к печи, просунула кисть в устье и проверила тягу дымохода. Кожа ощутила легкое движение воздуха: заслонки были исправны.

Под пекарней обнаружился спуск в сухой каменный погреб, откуда тянуло ровным сквозняком благодаря вентиляционным щелям в цоколе.

— Два пода общей площадью в шесть квадратных метров, — Марина оценила помещение, прикидывая объем загрузки. — При правильном графике здесь можно выдавать до трехсот килограммов готового продукта в смену.

— Чего делать, госпожа? — не понял Финн, опасливо трогая медный бок котла.

— Работать, Финн. Скоро здесь будет жарко.

Из сумрака коридора донеслось шарканье башмаков: на пороге появилась Мара. Экономка несла глиняный кувшин с горячим отваром шиповника и чистое льняное полотенце, всем видом демонстрируя раскаяние и безупречную исполнительность.

— Вот, миледи Элиза, травки заварила, как вы велели... — тихо проговорила она, опустив глаза. — Не извольте гневаться, я и медку ложечку добавила.

Марина приняла кувшин, сделала глоток терпкого, кисло-сладкого напитка и присела на край чистого деревянного ларя.

— Скажи мне, Мара, как в Вальтерии сохраняют хлеб и припасы от порчи? Почему в усадьбе все гниет целыми амбарами?

Экономка глубоко вздохнула, поправив выстиранный чепец:

— Да как же их сбережешь, кормилица? Сырость все берет. У знатных господ в столице да у королевских полковников магия есть — «печати чистоты» да хладные чары. Купят кристалл накопительный у гильдейских магов за сотню золотых, положат в подвал — и мясо год лежит, будто только забили. А нам, грешным, откуда такое взять? В наших краях один кристалл стоит как пятьдесят коров. Вот и солим, пока мясо в подошву не превратится, да сушим, что успеем. А зерно чуть отсырело — все, плесень пошла, только скотине под ноги бросать. Третью урожая каждую зиму в навоз уходит.

Марина медленно покачала головой, глядя на поднимающийся от кувшина пар. Внутри шевельнулась смесь изумления и горькой профессиональной усмешки.

Подумать только: люди здесь воспринимали обычную плесень и бактериальную порчу как неотвратимую божью кару, а элементарную консервацию покупали у гильдейских магов по цене целого стада коров.

Контроль влажности, правильная кислотность среды и температурная обработка заменяли любые редкие чары, не требуя ни единой золотой монеты на подзаядку накопителей.

Оставив Мару караулить кувшин, Марина достала из кармана плаща блокнот и кусок сухого грифеля. Нужно было трезво оценить сырьевой баланс, сроки и людей, чтобы четко выстроить рабочий процесс.

До дня уплаты долга оставалось двадцать дней. Три тысячи двести серебряных крон кредиторам плюс три сотни процентов. Срок катастрофически мал для классических сельскохозяйственных циклов.

Мыловарение? Отпадает: качественное мыло на зольном щелоке требует выстаивания и омыления жиров в течение четырех-шести недель, а запасов чистого жира в усадьбе нет.

Сыроварение? Невозможно: дойное стадо разграблено, молока нет даже на текущие нужды кухни.

Обычная выпечка хлеба? Бессмысленно. Свежий подовый хлеб черствеет за трое суток, перевозить его на дальние расстояния нельзя, а местный рынок деревни Белый Яр беден и не даст нужного оборота.

К тому же стандартная выпечка требует огромного расхода сухих дров, которых на складе осталось всего на две недели.

Марина быстро набросала пошаговую схему.

Продуктом станут сухие концентрированные закваски и прессованные солодовые галеты длительного хранения.

Мелкий ячмень замачивается, проращивается в течение трех суток до образования активных ферментов амилазы, затем бережно сушится при температуре не выше пятидесяти градусов и перемалывается в солодовую муку.

Полученный солод смешивается с концентрированным пюре из сушеных яблок, богатым пектином и дикими дрожжами, и заквашивается молочнокислыми бактериями.

Готовая густая паста высушивается тонкими пластами на остаточном тепле остывающих печей и истирается в сухой гранулят.

Такой концентрат не требовал магических сундуков: в плотно закрытой берестяной таре он мог храниться годами, не теряя свойств.

Городской пекарь, добавив всего пару ложек этого порошка в опару, сокращал подъем теста в разы и получал пышный хлеб даже из пересохшей муки, экономя половину дров на протопку.

А спрессованная из этой же массы походная галета весила мало, но заменяла каравай обычного хлеба.

Сырье уже лежало в амбаре бесплатно. Затраты сводились только к дровам и рабочим рукам. Даже если сдать первую крупную партию караванным скупщикам с солидной скидкой за срочность, выручка перекроет расходы в пять-шесть раз.

Марина захлопнула блокнот. План был готов.

— Мара! Финн! Живо на двор, — скомандовала она, поднимаясь на ноги. — Собирайте всех свободных людей. Начинаем генеральную чистку.

Через полчаса пекарня наполнилась шумом и суетой спешной работы.

Марина не делала поблажек никому. Шесть дворовых баб, трое батраков и оба поваренка были мобилизованы на санитарную обработку.

По двору поплыл едкий, мыльный запах горячего древесного щелока, который варили в огромном чугунном чане прямо у крыльца.

— Скрести до белого дерева! — Марина лично проверяла каждый разделочный стол, проводя пальцами по стыкам дубовых досок. — Промывать кипятком с золой трижды! Всю плесень в углах соскоблить железными ножами, а затем прокалить эти места факелами!

Бабы ворчали, утирая мокрые лбы подолами и тихо перешептываясь за спиной хозяйки:

— Сдурела барыня... Чистоту развела, будто к королевскому выезду.

— Слыхала, сор из старого амбара таскать велела? Гнилушки те ячменные варить станет! Где ж это видано, чтоб господа помоями торговали?

— Цыц, дуры! — шикала на них Мара, яростно наявивая мочалкой медный котел. — Языки распустили! Видали, как Бранда прищучила? Вылетите за ворота босыми на мороз, живо спесь слетит! Трите, кому сказано!

Марина слышала эти шепотки, но не обращала внимания. Страх потерять кусок хлеба работал безотказно: люди трудились без остановок.

Финн вместе с двумя лесорубами занимался дымоходами. Парни прочистили колодцы коваными железными ершами на цепях, выгребли четыре ведра вековой сажи и восстановили чугунные шиберные заслонки.

В подвале установили новые деревянные стеллажи, предварительно окурив все помещение серой для уничтожения спор дикой плесени.

К полудню Марина распорядилась затопить обе печи. Березовые поленья занялись с сухим, ровным гулом. Жар медленно расходился по каменным сводам, выгоняя влагу и наполняя помещение чистым теплом прокаленного камня.

К вечеру пекарня была полностью готова к работе.

Стены просохли, пахло мытым распаренным деревом, березовой золой и ровным печным жаром. Медные котлы блестели, отражая рыжие отблески углей, а на чистых столах стояли подготовленные корыта для первой партии зерна.

Марина стояла посреди пекарни, ощущая гудящую усталость во всем теле. Тонкие руки Элизы дрожали от долгого напряжения, на непривычной к труду коже налились болезненные мозоли, но голова оставалась ясной и спокойной.

Первый и самый сложный подготовительный этап был пройден без срывов.

Рядом жались Мара, Финн и маленькая Бетти, оглядывая преобразившуюся пекарню с тем особенным, притихшим удивлением людей, которые впервые увидели результат собственного упорного труда.

— Запомните этот день, — негромко произнесла Марина, поворачиваясь к прислуге. — Сегодня мы вычистили грязь. Завтра берем в работу ячмень. А к исходу месяца в усадьбе будет достаточно звонкого серебра, чтобы никто из тех, кто трудится на совесть, не боялся голода.

Мара нервно сглотнула, поправила фартук и сделала несмелый шаг вперед:

— Госпожа Элиза... Полноте, мы-то рады стараться, да только... боязно мне.

— Чего ты боишься, Мара?

— Так ведь... слух по слободе идет. В Озерный край с королевской инспекцией приехал лорд Рейнар Вальд. Страшный человек, миледи! Главный королевский досмотрщик Северного округа. Говорят, зверь лютый: коли проведает, что в поместье открыли тайную пекарню без гильдейского патента, да еще из бросового зерна пекут — приедет с отрядом латников. Лавки закрывает, товар сжигает на площади, а хозяев в кандалы кует за обман короны и порчу продовольствия. Бранд перед ним на брюхе ползал, когда тот в прошлом году мимо проезжал!

Марина спокойно выслушала причитания экономки.

Она подошла к левой печи, взяла со стола сухую березовую лучину, опустила ее конец в пламя очага и подняла перед собой ровный огонек.

— Лорд Вальд ищет тех, кто травит людей тухлятиной и прячет доходы от казны, — не повышая голоса, ответила Марина. — А у нас здесь будут идеальная чистота и строгий весовой учет. Пусть приезжает. К его визиту у нас будет такой продукт, к которому ни один королевский инспектор не сможет придраться.

ГЛАВА 4.

Клубы белесого пара с шипением вырывались из-под массивной крышки медного котла, оседая каплями на прокаленных каменных сводах пекарни. Воздух был плотным, влажным и пахнул едкой щелочью, мокрым распаренным холстом и свежей березовой стружкой.

Марина закатала рукава серого льняного платья до локтей, закрепив их кожаными шнурами, и опустила острую деревянную лопатку в кипящий раствор древесной золы. Вода бурлила, вываривая в чане дюжину нарезанных на куски рушников из домотканого полотна. Тонкие запястья Элизы быстро уставали, мышцы плеч ныли от вчерашней работы, но Марина не позволяла себе сбавить темп. Настоящее микробиологическое производство начиналось не с рецепта, а со стерилизации инвентаря.

У входа в пекарню переминались с ноги на ногу Мара, маленькая Бетти и двое дворовых парней, приставленных в помощь. Все четверо стояли босиком на свежеструганных осиновых помостах, с опаской глядя на хозяйку.

— Запомните раз и навсегда, — Марина выпрямилась, утирая мокрый от испарины лоб уголком фартука. — В этой обуви, в которой вы месите навоз на скотном дворе и топчете грязь на тракте, порог пекарни никто не переступает. Финн вытесал для каждого деревянные колодки. Они стоят на полке у двери и моются щелоком каждое утро. Надели колодки — вымыли руки с зольным мылом до скрипа. Не сполоснули в лохани, а терли песком и золой, пока под ногтями не останется ни соринки.

— Госпожа баронесса, — робко подала голос Мара, теребя подол. — Да где ж это видано, чтоб перед тестом руки песком драть? В слободе старый Ганс тесто месит — пот в квашню ручьем течет, и хлеб пышный выходит, никто не помер...

— Потому у Ганса хлеб на третий день синеет и воняет тухлым яйцом, — жестко оборвала ее Марина. — А наш продукт будет стоять месяцами. Бетти, неси доску.

Девочка торопливо подтащила к центральному столу широкую дубовую плаху, выкрашенную сосновой сажей в глубокий матовый черный цвет. Марина взяла кусок мягкого белого известняка и расчертила поверхность на аккуратную сетку: «Время замеса», «Температура воды», «Вес зерна», «Время подъема». В мире без термометров и электронных весов единственным спасением оставался строгий хронометраж и органолептический контроль по выведенным ориентирам: теплоте локтя, плотности комка и звуку лопающихся пузырей.

Когда полотенца были вывешены сушиться на жердях под потолком, а столы вторично ошпарены кипятком, Марина перешла к сырю.

Финн установил на верстак ручные базальтовые жернова, снятые со старой мельницы. Марина лично отмерила два гарнца ячменного зерна второго сорта, ссыпала его в деревянный бункер и взялась за дубовую рукоять. Камни заворчали, издавая сухой, низкий скрежет. Из зазора между жерновами тонкой струйкой посыпалась серая крупитчатая мука грубого помола, пахнувшая кремневой пылью и сладковатым злаковым зародышем. Марина намеренно не стала отсеивать отруби: именно в зерновой оболочке концентрировались дикие штаммы дрожжей и природные ферменты, необходимые для запуска брожения.

Она пересыпала три фунта муки в широкую глиняную корчагу, предварительно прокаленную в остывающей печи. Затем добавила колодезную воду, подогретую в медном чайнике ровно до той температуры, когда опущенный в нее палец чувствовал мягкое тепло — около тридцати четырех градусов. Деревянная веселка мерно ходила по кругу, разбивая комки. Марина следила за гидратацией: ячменная мука с высоким содержанием клетчатки впитывала влагу медленнее пшеничной, требуя постепенного долива. Масса приобрела консистенцию густой сметаны, отливая серовато-кремовым гляncем.

Но уже через десять минут вымешивания Марина насторожилась.

На поверхности смеси начали появляться крошечные пузырьки воздуха задолго до расчетного времени. Местные дикие дрожжи и микрофлора вели себя куда агрессивнее привычных культур. В этом мире воздух и зерно отличались первозданной биологической активностью. Это сулило высокую скорость ферментации, но одновременно таило опасность: без должного контроля такая закваска могла перекинуть за считанные часы, превратив ценный белок в испорченную жижу.

— Накрыть корчагу двойным сухим холстом, — распорядилась Марина, обвязывая горловину пеньковым шнуром. — Поставить на полку у печной стены. Финну каждые два часа проверять уровень подъема по зарубкам на стенке. Огонь в печи не тушить, поддерживать ровный жар в два полена.

К полуночи усадьба погрузилась в глубокий сон.

Марина проснулась еще до первых петухов от ночной стужи, пробиравшейся сквозь шерстяные одеяла. Сквозь щели в деревянных ставнях выл северный ветер, швыряя в окна крупу первого замерзшего дождя. Температура в комнате упала почти до нуля.

Сердце тревожно сжалось. Накинув плотный плащ прямо поверх ночной сорочки, Марина сунула ноги в войлочные туфли и с масляной лампой поспешила вниз, в цокольный этаж пекарни.

Дверь была приоткрыта сквозняком. В огромном очаге лежала куча серого, давно остывшего пепла: дежурный истопник попросту заснул и дал огню погаснуть посреди ночи. В помещении стоял продувающий сквозняк, вытягивавший остатки тепла из каменных стен.

Марина подошла к полке и сорвала холщовую накидку с глиняной корчаги.

В нос ударил резкий, едкий запах дешевого уксуса, прелой травы и ацетона.

Опара не поднялась пышной шапкой. Масса осела на дно расслоившимся серо-зеленым пластом. Сверху плавала мутная пленка грязно-желтого цвета, покрытая мелкими пузырями. Клейковинный каркас ячменя был полностью разрушен, белок денатурировал под воздействием избыточной кислоты.

Марина взяла деревянную ложку, зачерпнула немного жижи и попробовала на кончик языка. Резкая горечь обожгла рецепторы, оставив долгое, неприятное послевкусие скисшей браги.

Ради контроля процесса она все же отобрала фунт испорченной массы, смешала с горстью свежей муки и отправила получившийся липкий комок в растопленное устье печи на железном противне.

Через двадцать минут на свет был извлечен результат первой технологической пробы: плоский, растрескавшийся темно-серый кусок, твердый, как булыжник на мостовой. От него разило кислой гарью. Мякиш внутри не пропекся, оставшись вязкой массой, похожей на сырую замазку для окон.

В дверях пекарни послышались шаги. Собрались пришедшие на утреннюю смену работники. Мара, увидев испорченный ком на столе, опустила лицо, пряча за фартуком разочарованную и одновременно злорадную ухмылку. За ее спиной лесорубы и повара начали негромко перешептываться:

— Ну вот, сказывали же...

— Баронесса-то с горя умом тронулась, казенное зерно переводит.

— Из собачьего корма хлеб печь вздумала, господи помилуй... Только печь зазря коптели да дрова жгли.

Марина не обратила внимания на ропот. Никаких слез, никаких метаний, никакой суеты. На ее лице застыло выражение холодной сосредоточенности мастера, столкнувшегося с браком первой опытной партии.

Она подошла к черной доске, стерла тряпкой старые пометки и куском известняка зафиксировала фактические данные неудачи: «Срыв температурного режима. Падение кривой с +28°C до +9°C в период максимальной активности дрожжей. Сдвиг pH в критическую кислую зону. Победа уксуснокислых бактерий над молочнокислыми».

Все было предельно ясно. В условиях резкого ночного похолодания молочнокислые бактерии замерли, а агрессивная уксусная микрофлора переработала весь выделенный спирт в кислоту, которая растворила слабый ячменный белок.

— Финн, — Марина повернулась к стоявшему у порога парню, единственному, кто не прятал взгляда. — Бери кирку, глину из подвала и сотню огнеупорных шамотных кирпичей от разрушенной печи во флигеле. Будем строить термостат.

— Чего строить, барыня? — моргнул конюх.

— Камеру постоянного тепла.

Через два часа у основания главной печи, прямо в толще теплого бокового дымохода, была выложена закрытая кирпичная ниша. Изнутри ее стенки обмазали толстым слоем жирной глины, смешанной с рубленой соломой и конским волосом для теплоизоляции, а на дно уложили каменные плиты, способные аккумулировать остаточный жар дымовых газов. Плиты отдавали мягкое, стабильное тепло даже тогда, когда дрова в топке полностью прогорали.

Второй шаг был биохимическим. Чтобы защитить новую партию от уксусного скисания, Марина приказала принести из амбара корзину сушеных яблок.

В медном сотейнике она приготовила густой яблочный экстракт. Полученный сироп был насыщен пектином, натуральной яблочной кислотой и фруктозой. Вводя две ложки этого отвара в новую опару, Марина опускала начальный уровень кислотности до безопасного порога, при котором уксуснокислые бактерии не могли развиваться, а молочнокислые культуры получали идеальное стартовое питание.

В полдень вторая партия ячменной муки и теплой воды, обогащенная яблочным буфером, была отправлена в глиняных горшках внутрь кирпичного термостата.

К вечеру пекарня наполнилась принципиально иным ароматом.

Когда Марина приоткрыла глиняную заслонку термостата, от корчаги пахло не кислятиной, а чистым, сливочно-фруктовым духом: спелыми яблоками, свежим топленным молоком и молодым пшеничным зерном.

Опара выросла втрое. Ее поверхность напоминала кружево из миллионов мелких, упругих пузырьков, готовых лопнуть с тихим шелестом. При легком покачивании сосуда масса двигалась как единое целое. Биохимический баланс был пойман точно.

— А теперь сушка, — Марина подозвала Бетти и Мару. — Несите медные листы.

Начался самый тонкий этап работы. Ферменты амилазы и живые дрожжевые клетки погибали при нагреве свыше сорока восьми градусов. Марина не могла использовать открытый огонь или сильный жар раскаленной печи.

Медные листы были выскоблены, натерты тонким слоем топленого жира и установлены на деревянных брусках прямо над сводом остывающей печи, где камень оставался приятно теплым и не обжигал ладонь.

Марина широким деревянным шпателем наносила созревшую закваску на металл слоем толщиной в пару миллиметров. Теплый поток сухого воздуха быстро испарял влагу. Через три часа сырая паста превратилась в ломкие полупрозрачные пластинки золотисто-кремового цвета.

Их собрали в деревянные корыта. Марина взяла круглый гранитный пестик и принялась мерно, без лишнего нажима истирать сухие чешуйки. Хрупкая масса с тихим шуршанием распадалась на однородные крупинки размером с речной песок.

К полуночи на весах в холщовом мешочке лежало ровно пять фунтов сухой гранулированной закваски. Это был концентрат, способный храниться в сухом месте годами и оживать от первого контакта с теплой водой.

— Посмотрим, на что ты способна в деле, — негромко произнесла Марина.

Для контрольного замеса она взяла две горсти полученных гранул, развела их в кружке теплой воды с ложкой яблочного сиропа и вылила в деревянную квашню к десяти фунтам обычной серой муки и щепотке соли.

Обычно крестьянское тесто на местном зерне поднималось не менее четырех-пяти часов, часто оседая от малейшего сквозняка.

Но теперь происходило нечто совсем иное.

Уже через двадцать минут масса в квашне задышала. Тесто начало стремительно расти, наполняясь упругой силой. Через сорок минут пышный купол перевалил через край деревянной кадки, обнажая при легком нажатии тончайшую паутину клейковинных нитей.

Марина точными движениями разделила массу на два круглых каравая, уложила их на обсыпанную отрубями деревянную лопату и отправила на раскаленный каменный под печи.

Спустя сорок минут Марина извлекла из печи первый готовый каравай.

Хлеб удался. Высокий, округлый, с ровным глянцевым куполом янтарной корочки, покрытой сетью мелких трещинок. Марина взяла буханку через сухое полотенце и костяшками пальцев постучала по донышку. Раздался чистый, гулкий, сухой звук — признак безупречной пропеченности мякиша.

Помещение затопило ароматом карамели, каленого ореха, печеного яблока и свежей хлебной корки. Запах стоял настолько густой, что у всех присутствующих перехватило дух.

Марина взяла широкий нож и разрежала горячий каравай пополам.

Лезвие легко прошло сквозь хрупкую корочку. Внутри открылась пористая, упругая, светлая структура, равномерно пронизанная пустотами. Марина слегка сжала край буханки: мякиш послушно промялся и тут же восстановил прежнюю форму.

Она отрезала ломоть, от которого еще поднимался легкий пар, и молча протянула его Маре.

Экономка дрожащими пальцами приняла кусок. Поднесла к губам с опаской и откусила краешек.

Она замерла, медленно пережевывая, а затем торопливо откусила еще один, огромный кусок. Лицо Мары дрогнуло, и она в немом изумлении опустила на дубовую лавку у стены, не отрывая взгляда от надкусанного ломтя.

— Пресвятая Дева... — прошептала экономка охрипшим голосом, и по ее щеке скатилась слеза. — Да разве ж бывает такой хлеб? Он во рту тает... как пух сладкий... Батюшки мои, да за такой каравай в городе серебром платить станут!

Она сглотнула и посмотрела на Марину с тревогой:

— Только ведь... госпожа Элиза, миленькая. Городской пекарь Штрауб из Нижнего Дола — он же зверь, а не человек. Он гильдией вертит как хочет. Такой хлеб он с руками оторвет, да только вас же и обманет, миледи. Обдерет как липку, за бесценок заберет, а откажетесь — стражу натравит, скажет, что ведьмовством хлеб портите!

Марина взяла чистое льняное полотенце, завернула остывающий каравай и затянула узел на тесьме. В ее движениях была спокойная уверенность мастера, точно знающего цену своему труду.

— Значит, мы поедem к нему подготовленными. Финн, вели запрягать бричку к рассвету.

ГЛАВА 5.

Старый деревенский ломоть, испеченный на закваске слободского пекаря четыре дня назад, напоминал кусок серого речного песчаника. Марина с усилием надавила лезвием широкого ножа: корка с сухим треском раскололась, осыпав стол колючими крошками, а на срезе обнажился тусклый, комковатый мякиш с зеленовато-сизым бархатным пятнышком плесени у самого донца. Она отложила сухарь и взяла второй каравай — тот самый, который вынула из каменной печи трое суток назад.

Лезвие вошло в упругое тело буханки с мягким, ровным шелестом. Золотисто-янтарная корочка лишь слегка прогнулась, не дав ни единой лишней трещины. Марина сжала отрезанный ломоть почти вдвое и отпустила: мякиш мгновенно расправился, вернув прежнюю пористую структуру. Никакой липкости, никакого затхлого духа. В воздухе раскрылся тонкий, аппетитный аромат подсушенного фундука, яблочной пастилы и свежей ржаной корочки. Пектиновый комплекс и стабилизированная кислотность сработали безукоризненно, законсервировав влагу в крахмальном геле и остановив ретроградацию.

На просторной кухне стояла непривычная тишина. За длинным выскобленным столом сидели работники усадьбы: лесорубы, скотники, прачки и поварята. Перед каждым стояла миска с густой горячей похлебкой из сушеного гороха и копченого сала, а рядом лежал щедрый, толстый ломоть нового хлеба. Люди ели не торопясь, с тем глубоким, сосредоточенным наслаждением, которое бывает только у уставших и долго голодавших работников.

Мара, одетая в чистый передник без единого жирного пятна, лично подливала похлебку в миски, то и дело украдкой поглядывая на хозяйку. На лицах дворовых мужиков больше не было тупой покорности пополам со злобой. Они смотрели на бледную баронессу в простом шерстяном платье с надеждой, видя в ней человека, способного вытащить их из вечной северной нищеты.

— Ешьте досыта, — негромко произнесла Марина, проходя вдоль стола. — Впереди много работы. Пустых животов в моем доме больше не будет.

Она оставила людей завтракать и поднялась в малую кладовую при пекарне, чтобы провести утренний контроль партии готового концентрата.

Но едва Марина переступила порог чулана и опустила ладонь в холщовый мешок, стоявший на деревянном стеллаже, сердце неприятно екнуло.

Вместо сыпучего, сухого золотистого гранулята пальцы наткнулись на плотную, влажную, комковатую массу. Она зачерпнула горсть и поднесла к свету узкого оконца. Гранулы слиплись в вязкие шарики, напоминающие серую глину. Из мешка отчетливо пахло не сухим зерном, а подвальной затхлостью.

Марина с досадой прикусила губу. Ошибка новичка. Элементарная, непростительная оплошность технолога, привыкшего к герметичным пластиковым ведрам и трехслойным металлизированным пакетам земных заводов.

Она забыла про гигроскопичность. Осахаренный ячменный солод и яблочный пектин были природными губками для атмосферной влаги. В условиях промозглого климата северного предгорья, где относительная влажность воздуха в каменных строениях достигала восьмидесяти процентов, сухой концентрат в обычном тканом полотне за одну ночь напитал в себя влагу из воздуха. В таком виде ферменты просыпались раньше времени, запускался процесс самосогревания, и через двое суток пять фунтов ценнейшего сырья превратились бы в забродившую испорченную жижу.

«Без надежной гидроизоляции этот продукт нельзя ни хранить, ни везти на ярмарку, — Марина потеряла переносицу. — Любой дождь на тракте превратит партию в мусор. До выплаты долга осталось восемнадцать дней, а у меня нет даже упаковки».

Полиэтилена в этом мире не существовало. Стекло стоило баснословных денег и требовало бережной перевозки. Глиняные кувшины с притертыми крышками были слишком массивными и дорогими в производстве: их себестоимость съела бы львиную долю прибыли.

Марина вышла на крыльцо и подозвала Финна, чистившего упряжь у сарая:

— Финн, бросай ремни. Обыщи все кладовые, пасечные сараи и чуланы покойного барона. Мне нужны запасы пчелиного воска, льняное масло и любая плотная бумага, какая найдется в доме, кроме барских книг.

Парень кивнул и бросился исполнять. Через час на широком дубовом верстаке в пекарне лежала странная на первый взгляд коллекция предметов: два увесистых круга темно-янтарного пасечного воска с приятным медовым запахом, глиняная бутылка с неочищенным льняным маслом, стопа плотной серой бумаги из канцелярии и три чугунных утюга со съемными подошвами, которые служанки использовали для глажки парадных скатертей.

— Смотрите и учитесь, — Марина позвала Бетти и двоих поварят.

Она установила на угли печи медный сотейник, раскрошила туда кусок воска и добавила две ложки льняного масла. Смесь быстро расплавилась в прозрачную золотистую жидкость.

Масло было необходимо для пластичности: чистый воск на холоде становился ломким и трескался на сгибах, а масляная добавка делала пленку гибкой, словно кожа.

Марина разложила на чистом столе лист серой бумаги, широкой щетинной кистью нанесла тонкий слой горячего расплава и накрыла его вторым листом. Затем она взяла горячий чугунный утюг, предварительно обтерев его подошву чистой тряпкой, и с сильным нажимом провела по бумаге.

Раздалось тихое шипение. Воск мгновенно впитался в волокна целлюлозы, вытесняя воздух. Бумага потемнела, стала полупрозрачной, плотной и гладкой на ощупь.

Марина подняла остывший лист, согнула его пополам, с усилием провела ногтем по сгибу — покрытие не треснуло и не осыпалось. Она капнула на поверхность водой из ковша: капля собралась в идеальный упругий шарик и скатилась вниз, не оставив на пергаменте ни малейшего следа влаги.

— Работает, — выдохнула Марина, расправляя плечи.

Она разработала простую выкройку: лист складывался конвертом, боковые швы проглаживались горячим ребром плоского сапожного ножа, спаивая восковые слои намертво. В получившийся герметичный пакет засыпался ровно один фунт просушенной закваски, после чего верхний клапан запечатывался тем же утюгом. На лицевой стороне Марина уверенно ставила оттиск деревянного штампа с каплей сажи: «Белый Яр. Партия 1. Закваска сухая концентрированная».

К полудню на столе ровной стопкой лежали первые десять готовых пакетов. Они были легкими, прочными, не боялись ни влаги, ни дорожной пыли.

Со двора донесся яростный лай собак и стук кованых колес по каменистой дороге.

Двуколка, запряженная костистым пегим мерином, с грохотом вкатилась в распахнутые ворота поместья и замерла у главного крыльца. С козел грузно слез мужчина в широком суконном плаще, перепачканном дорожной грязью. На вид ему было около пятидесяти: кряжистый, с лицом цвета дубленой кожи, густыми седеющими бровями и руками, покрытыми белыми шрамами от печных ожогов.

Это был Отто — хозяин крупной придорожной пекарни и постоянного двора на тракте в Нижний Дол. Человек угрюмый, хваткий и не терпевший дворянских замашек.

— Эй, есть кто живой в этой берлоге?! — рявкнул гость, поднимаясь по ступеням и колотя дубовым посохом в дверь. — Где управляющий? Где баронесса?

Марина вышла на крыльцо одна, накинув на плечи темную шерстяную шаль. Она спокойно окинула взглядом запыленного пекаря:

— Я слушаю вас, сударь. Баронесса Вейр перед вами.

Отто смерил ее угрюмым, недоверчивым взглядом из-под нависших бровей, стянул с головы войлочную шапку, но кланяться не стал.

— Вот что, миледи. Я человек простой, политесам не обучен. Покойный ваш супруг, барон Роджер, задолжал мне за три мешка тонкой пшеничной муки и бочонок патоки ровно пять серебряных крон. Полгода завтраками кормили! Бранд ваш только зубы скалил. До меня слух дошел, что имение с молотка пойдет. Так вот: я без своего серебра отсюда не уеду. Денег нет — заберу овсом из амбара или медными котлами с кухни. Мне закон позволяет описать добро должника на тракте!

Из-за угла пекарни показался Финн с топором в руке, готовый вступить за хозяйку, но Марина сделала конюху едва заметный знак: оставаться на месте.

— Пять крон — немалый долг, господин Отто, — ровно ответила она, не отводя взгляда. — Но прежде чем мы начнем таскать котлы и мерить овес, вы проделали долгий путь от тракта. Спуститесь в пекарню, промочите горло горячим взваром. Дела решаются за столом, а не на ветру.

Пекарь подозрительно прищурился, ожидая подвоха или дворянской спеси, но голодный желудок и липкий осенний ветер взяли свое.

— Ладно, — буркнул он, вытирая сапоги о плетеный коврик. — Поглядим, чем нынче вдовы угощают. Но от долга я не отступлюсь ни на медный грош.

В пекарне стояло сухое, мягкое тепло. Отто переступил порог и замер, шумно втянув носом воздух. Он мгновенно отметил идеальную чистоту дубовых столов, выскобленные добела полы и ровный жар шамотных печей. Но главное — запах. В воздухе витал густой, сладковато-хлебный дух, какого в его собственной пекарне не бывало даже по праздникам.

Марина молча выдвинула деревянный табурет, приглашая гостя сесть, и поставила перед ним кружку с травяным чаем. Следом на доске появились две тарелки. На одной лежал сухой, серый ломоть из дорожной сумы самого Отто, на второй — пышный, высокий кусок ее трехдневного хлеба.

— Попробуйте оба, мастер Отто, — предложила Марина, садясь напротив.

Пекарь хмыкнул, взял свой ломоть, привычно скривился от кислого привкуса и отложил. Затем с явным сомнением потянулся ко второму куску. Пощупал мякиш пальцами, удивленно приподнял бровь, понюхал срез и откусил добрую половину.

Он перестал жевать. На его лице отразилось искреннее потрясение ремесленника, столкнувшегося с чудом. Он торопливо проглотил кусок и впился зубами в остаток ломтя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.